

Сердце
СВОБОДНО

ПОЛИНА РЕЙ

Полина Рей

Сердце свободно

«Автор»

2026

Рей П.

Сердце свободно / П. Рей — «Автор», 2026

- Значит, сердце нашей дочери теперь бьется в груди ее сестры? Я выдыхаю эти слова с полнейшим неверием в то, что мир кругом - не моя иллюзия. Два года назад мы с мужем потеряли единственного ребенка - она погибла в автокатастрофе. И я знала, что ее сердце взяли для донорства. Даже была рада тому, что оно теперь продолжает жить. Рада до момента, пока муж не подтвердил: - Да Оно бьется в груди Ники, Юлиана Моей дочери от Кати. Гибель ребенка, попытка начать жизнь заново. И приговор: у мужа была вторая семья, в которой родилась больная дочь. И которую он спас, прекрасно зная, что в ее груди будет биться сердце нашей любимой девочки.

© Рей П., 2026

© Автор, 2026

Полина Рей

Сердце свободно

- Значит, сердце нашей дочери теперь бьется... в груди ее сестры?

Я выдыхаю эти слова с полнейшим неверием в то, что мир кругом - не моя иллюзия.

Два года назад мы с мужем потеряли единственного ребенка - она погибла в автокатастрофе. И я знала, что ее сердце взяли для донорства. Даже была рада тому, что оно теперь продолжает жить...

Рада до момента, пока муж не подтвердил:

- Да... Оно бьется в груди Ники, Юлиана... Моей дочери от Кати...

Гибель ребенка, попытка начать жизнь заново. И приговор: у мужа была вторая семья, в которой родилась больная дочь.

И которую он спас, прекрасно зная, что в ее груди будет биться сердце нашей любимой девочки...

Ключ в замке повернулся с тяжелым, усталым скрежетом - под стать моему дню.

Я перешагнула порог, и привычный запах дома тут же окутал со всех сторон и принес то, к чему я не только привыкла, но и сроднилась - боль. Здесь витал аромат - едва уловимый, духов Ани, которые я иногда наносила на ее любимый шарф. А ещё всё было пропитано тишиной - самой громкой на свете.

Сумка соскользнула с плеча на пуфик в прихожей - тот самый, обитый выцветшим гобеленом, который Аня в детстве называла «троном для феи». Я не разрешала ничего здесь трогать после того, как моей девочки не стало.

Не разрешала переставлять ее кружку с отбитой ручкой на кухне, не позволяла убрать с зеркала в коридоре блёклую наклейку с единорогом. Владислав давно перестал спорить. Сначала - из уважения к нашему горю, потом - потому что понял бесполезность данных слов и фраз, а в последний год... В последний год его просто не было рядом, чтобы замечать, в каком склепе мы живём.

Я скинула туфли, чувствуя, как ноют стопы после двенадцати часов переговоров, звонков и жёстких решений. Бизнес - мой спасательный круг. Единственное пространство, где я еще дышу, не захлёбываясь воспоминаниями. Там есть цифры, сроки, контракты - сухие, безжалостные, требующие всего моего внимания. Там нет места для образа темноволосой девушки, смеющейся или грустящей... Там нет ничего, что погружало меня в водоворот простого осознания: моя жизнь кончена.

Я зажмурилась, с силой проводя ладонью по лицу. Сейчас нельзя раскисать. Только не дома, где каждая трещинка на потолке кричит её именем.

Проходя мимо гостиной, я машинально поправила плед на спинке дивана - Аня вечно куталась в него, когда смотрела свои дурацкие реалити-шоу. Влад в последнее время почти не появляется в этой комнате. Да и во всей квартире в целом.

Возвращался за полночь, пах не чем-то привычным и родным, а далёким, как другая галактика. Мы почти не разговаривали за последнее время. Только иногда, за редким ужином, который я заставляла себя изредка готовить, и на который успевал муж с работы, Шадрин смотрел на меня долгим, незнакомым взглядом и повторял, как заезженная пластинка:

«Юлиана, может нам стоит попробовать снова завести ребёнка?»

Всякий раз от этих слов у меня внутри все сжималось в тугую, ледяную узел.

Родить ещё? Заменить Аню? Как можно даже произносить такое вслух, стоя в метре от её фотографии на каминной полке? Это предательство. Кошунство! Я не могу дать жизнь другому человеку, когда её сердце... когда оно...

Я знала, что сердце нашей девочки взяли для донорства. Врачи спросили разрешения, когда мой мир уже рухнул и лежал в осколках у ног. Подписала бумаги, почти не глядя, потому что мысль о том, что часть её останется в этом мире, что она продолжит биться где-то там, была единственной соломинкой, не дающей мне утонуть в тот момент.

Я не хотела знать, кому именно пересадили сердце, намеренно не запрашивала данные, да и наверное, мне бы никто ничего не сказал, я в этом не особо разбиралась. Просто закрыла эту дверь на все замки. Пусть живет анонимно. Пусть я не знаю ни имени, ни лица.

Так легче.

Вот только Влад...

Запоздало вспомнив, что не закрыла дверь, я вернулась в прихожую и вдруг заметила краем глаза что-то на полу - почти у самого порога, за входной дверью. Это был коричневый бумажный конверт. Я наклонилась, подняла его, повертела в руках. Он был тяжелым, плотно набитым. Адреса на лицевой стороне не было - только моя фамилия, выведенная незнакомым острым почерком: «Шадриной Ю.М.».

Странно. Мы с Владом давно не получали бумажной корреспонденции, кроме рекламных листовок, которые пару раз в неделю нам совали прямо в дверь.

Я всё же заперлась и прошла на кухню. Сердце почему-то забилося часто-часто, хотя оснований для этого не имелось. Присев за стол, оторвала край конверта - внутри лежала пачка листов - официальные бланки, отсканированные подписанные согласия, выписки из регистра. Я пробежала глазами по шапке одного из документов: «Акт об изъятии донорского сердца... Реципиент: Шадрина Ника Владиславовна».

Дыхание перехватило. Пальцы внезапно стали ватными и непослушными, хотя до мозга ещё толком ничего не успело дойти.

Ника.

Владиславовна.

Шадрина.

Отчество весьма говорящее, а фамилия - наша с мужем. Та самая, которую я ношу уже двадцать пять лет.

Я перевернула страницу, почти не дыша. Копия согласия на транспортировку донорского материала в другой город. В графе «Инициатор» стояла размашистая подпись мужа. Следом - запрос от регионального кардиоцентра, пометка «Срочно», даты...

Даты, совпадающие с днем смерти Ани идеально...

Конверт выпал из моих рук, и из него выскользнул еще один листок - на этот раз исписанный от руки, на обычной тетрадной бумаге в линейку. Я подняла его, и взгляд тут же упёрся в первые строки:

«Здравствуйте, Юлиана. Меня зовут Катя. Мы с вами не знакомы, но когда-то я была близка с Владиславом. Я знаю, что вы не хотели знать, куда попало сердце Вашей дочери. И я не стала бы вас тревожить, если бы не чувство благодарности. Огромной, невыразимой благодарности вам и Ане...»

Буквы плыли перед глазами. Я читала дальше, словно в бреду.

«...Ника - дочь Владислава. Да, у нас с ним есть дочь. Она родилась с тяжелым пороком сердца. Владу я рассказала сразу после её рождения. Хотела скрыть, ведь у него семья, но пришлось привлечь его к тому, чтобы он участвовал в судьбе Ники - ведь она больна. Была больна, и все эти годы Влад делал всё, чтобы она жила. А когда случилась трагедия с вашей девочкой, он не колебался ни секунды. Добился, чтобы сердце Анечки переправили в клинику в Новосибирск. Именно там Ника ждала трансплантацию. И теперь сердце вашей дочери бьется в груди Аниной сестры. Простите меня за эту правду. Но я не могу не поблагодарить вас. Благодаря вам и Ане моя девочка живет полной жизнью. Спасибо, Юлиана!»

Пол покачнулся под ногами. Я оперлась на кухонную стойку, чувствуя, как холодный гранит обжигает ладони.

У мужа была другая женщина. И другая дочь. Все эти годы. И он не просто знал - он распорядился сердцем нашего мертвого ребенка как своим трофеем.

Передал его по наследству. Своей тайной семье.

Из моего горла стал подниматься глухой, нечеловеческий звук - не то стон, не то смех.

Значит, сердце нашей дочери теперь бьется... в груди ее сестры? Сестры, о существовании которой я узнала только что.

От незнакомой женщины по имени Катя. В благодарственном письме.

Я смотрела на разбросанные по полу документы, и мир кругом казался чужой, тщательно выстроенной иллюзией, которая только что разбилась вдребезги.

Мне показалось, что и моё сердце погибает в данную секунду.

Если оно кому-то нужно - вставайте в очередь.

Я в шаге от смерти...

Руки дрожали когда я опустила и принялась собирать бумаги с пола. Буквы на документах расплывались перед глазами, сколько бы я ни пыталась вчитаться в них снова и снова. Каждая строчка ввинчивалась в мозг, как раскалённый гвоздь: «Шадрина Ника Владиславовна», «изъятие донорского сердца», подпись мужа - его размашистая, уверенная, знакомая до мельчайшей завитушки.

Я сидела на холодном кухонном полу, привалившись спиной к посудомоечной машине, и слышала, как в висках стучит кровь. Тук-тук. Тук-тук. Словно два сердца бились внутри меня - моё собственное, разбитое, и то, другое, которое теперь жило в груди чужой мне девочки. Рождённой от моего мужа.

Его тайной дочери.

Воздуха не хватало. Грудь сдавило стальным обручем, и я поняла, что ещё минута - и я просто закричу. Завою в голос, как раненое животное, и не смогу остановиться. Но нет! Мне было нельзя позволять себе подобного.

Сначала - ответ.

Сначала - посмотреть в его глаза.

Я нащупала в кармане пиджака телефон. Экран высветил родное лицо Ани на заставке - она смеялась, запрокинув голову с растрёпанными тёмными волосами. Пальцы дрогнули, и я почти уронила трубку, прежде чем нашла контакт «Влад».

Казалось, что гудки тянулись целую вечность. Один. Второй. Третий.

- Да, Юль? - голос мужа звучал отстранённо, с лёгким привкусом раздражения. - Я на совещании, что-то срочное?

Срочное?

Господи, он даже не представляет, насколько!

- Приезжай домой, - выговорила я чужим, деревянным голосом. - Сейчас. Немедленно.

- Что случилось?

В его тоне прорезалась тревога, но какая-то дежурная, словно он примерял маску обеспокоенного мужа.

- Наводнение, - соврала я, не моргнув глазом. - Трубу прорвало. Всю кухню заливают. Приезжай.

- Вызови сантехника, я-то чем...

- Влад! - Я вложила в это имя всю сталь, на какую была способна. - Приезжай, сейчас же! Иначе я не знаю, что сделаю.

Слова цедила так, чтобы до Шадрина дошло - либо он мчится на это наводнение, как на пожар, либо ему конец.

Повисла пауза. Он, видимо, что-то почувствовал - наверное, понял по моему голосу, что речь вовсе не о том, о чём я лгала. Потому следом бросил коротко:

- Буду через двадцать минут.

Я отключилась и отложила телефон на пол.

Двадцать минут. Целая вечность, чтобы перечитать всё заново. И я это сделала - перечитала раз, другой, третий, пока строчки не впечатались в память намертво. Каждое слово Кати, такое аккуратное, такое благодарное, такое... чудовищное в своей искренности. Она действительно говорила мне «спасибо» за сердце моей мёртвой дочери. За то, что её девочка теперь живёт.

А Влад... Влад всё это время знал. Когда стоял рядом со мной в морге, когда держал за руку на похоронах, когда плакал по ночам в подушку - он уже тогда распорядился и подписал бумаги. Уже переправил сердце Ани за сотни километров, к своей тайной семье.

Я закрыла лицо руками и засмеялась - тихо, страшно, с надрывом. Смех перешёл в рыдания, но я заставила себя замолчать. Нельзя превращаться в истеричное желе. Не сейчас!

Когда в замке повернулся ключ, я уже стояла посреди коридора, сжимая в кулаке пачку документов и смятое письмо. Ноги не держали, но я заставила себя выпрямиться, расправить плечи, вскинуть подбородок.

Влад вошёл стремительно, ещё с порога окидывая взглядом пол в поисках луж.

- Где прорвало? Я не вижу... - начал он, но осёкся, встретившись со мной глазами.

Видимо, что-то такое было в моём лице, что он замер, не договорив. Пальцы, расстёгивавшие пальто, застыли на верхней пуговице.

- Юлиана? - выдохнул муж моё имя.

Вместо ответа я швырнула в него бумаги. Всю пачку, одним резким движением. Листы разлетелись веером, закружились в воздухе и мягко опустились к его ногам - официальные бланки, выписки, копии документов с подписями. И отдельно, планируя из стороны в сторону, следом за ними приземлилось письмо Кати.

- Что это? - спросила я, и голос мой звенел от напряжения, как натянутая струна. - Объясни мне, Влад. Что. Это. Такое.

Он опустил взгляд, увидел шапку документа - полное имя его дочери «Шадрина Ника Владиславовна». И лицо его изменилось.

На нём не проступили нотки испуга - нет, но с него словно упала маска. Взамен неё осталось лишь что-то усталое, измученное, в котором, меж тем, проявлялись нотки облегчения. Как будто он годами тащил на спине мешок с камнями и наконец получил разрешение его сбросить.

- Ты прочитала, - произнёс он тихо.

И это было утверждение, а не вопрос.

- Прочитала?! - Мой голос сорвался на крик. - Я прочитала, Влад! Я прочитала, что у тебя есть дочь! Что ты всё это время... все эти годы... ты скрывал от меня вторую семью! И когда Аня погибла, ты не горевал со мной - ты спасал своего ребёнка от чужой бабы!

Он молчал, лишь только смотрел на меня тяжёлым, тёмным взглядом, в котором я не могла прочесть ни раскаяния, ни стыда. Только странную, пугающую решимость.

- Скажи мне, - потребовала я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. - Скажи это вслух! Я хочу услышать от тебя всё!

Влад медленно наклонился, поднял один из листов. Посмотрел на него так, словно видел впервые, хотя сам же и подписывал. Потом перевёл взгляд на меня.

- Значит, сердце нашей дочери теперь бьётся... в груди её сестры? - выговорила я те самые слова, что жгли язык с момента прочтения письма. - Это правда?

Он выдохнул - длинно, прерывисто, будто выпускал из лёгких воздух, скопившийся за долгие годы лжи.

- Да. Это правда. Сердце Ани бьётся в груди Ники. Моей дочери от Кати.

Мир вновь качнулся. Я склонилась, ухватила за край пуфика - того самого, «трона для феи», - чтобы не упасть. В ушах зашумело, но я заставила себя говорить дальше.

- Ты знал, - повторила я уже почти шёпотом. - Ты знал, кому его пересаживают. И не только знал, но и организовал это. Использовал смерть нашей девочки, чтобы спасти свою... свою другую дочь.

- У меня не было выбора, - глухо ответил Влад. - Ника умирала. Она ждала донорское сердце очень давно. А когда Аня... когда случилась авария... я понял, что это единственный шанс. Единственный!

- Единственный шанс для кого?! - Я почти завизжала, не узнавая в этом жутком звуке ту женщину, которой была. - Для тебя? Для твоей любовницы? Для ребёнка, о котором я даже не знала?!

Он провёл ладонью по лицу, и я, кажется, только сейчас заметила, как сильно он постарел за последние два года. Глубокие морщины у рта, седина на висках, которую я раньше списывала на общее горе. А теперь понимала: он не только горевал, он разрывался между двумя семьями.

- Я переспал с Катей один раз, - сказал он, и голос его звучал глухо, словно сквозь толщу воды. - Один раз, Юль. На встрече выпускников моей школы. Ты осталась дома с Аней, она тогда была совсем малышка. Я поехал один, выпил лишнего. Увидел Катю - первую любовь, юность, всё такое. И сорвался. Это было двадцать лет назад.

Я смотрела на него, не мигая. Двадцать лет назад. Ане было четыре. Я сидела дома с нашим ребёнком, пока мой муж на встрече одноклассников заделывал второй экземпляр. Прекрасно!

- Она забеременела, - продолжал Влад, не поднимая глаз. - Я узнал об этом только когда Нике исполнилось три года. Катя не хотела меня беспокоить, растила её одна, но потом врачи поставили диагноз - порок сердца. И она пришла ко мне. Потому что нужны были деньги, врачи, клиники. И я не мог отказаться. Это был мой ребёнок, моя кровь. Я не мог просто взять и отвернуться.

- Твоя кровь, - эхом повторила я. - А наша дочь? Аня? Она была твоей кровью тоже. Но ты отдал её сердце, как вещь. Как трофей. Передал по наследству своей тайной семье!

- Я спас жизнь, - с нажимом произнёс он. - Я спас жизнь Нике. Разве это плохо? Разве Аня не хотела бы...

- Не смей! - закричала я, зажимая уши ладонями. - Не смей говорить за неё! Ты не имеешь права! Ты предал её память, ты предал меня, ты всё это время врал! Я не знаю, захотела ли бы Аня жертвовать своё сердце, если бы знала, кому именно оно будет предназначено!

Влад сделал шаг ко мне, но я выставила ладонь перед собой, останавливая его.

- Не подходи! - проговорила хрипло, и этот звук показался схожим на рык.

Шадрин замер. Постоял так несколько секунд, потом опустил плечи - как-то разом, словно из него выпустили весь воздух.

- Я знаю, что ты чувствуешь, - начал он, но я его оборвала:

- Ты не знаешь! Понятия не имеешь, что я чувствую. Ты даже не представляешь, каково это - узнать, что твой муж годами жил двойной жизнью. Что он использовал смерть вашего общего ребёнка, чтобы спасти того, кого нажил на стороне. Что он ни разу не посоветовался, ни разу не сказал правды.

Влад молчал. Потом поднял на меня взгляд, и в нём я увидела что-то новое - не вину, а скорее, решимость человека, который уже сделал свой выбор и теперь лишь ждал, когда привычный мир рухнет окончательно.

- Я нахожусь на перепутье, Юлиана, - сказал он тихо. - Не знаю, как жить дальше. Ты... ты вся в своём горе, в своей работе, в этом доме-музее. Ты не хочешь двигаться вперёд, не

хочешь пробовать снова. Ты застыла, и я застыл вместе с тобой. А там... там есть Катя. И Ника. Они живы и ждут меня.

У меня перехватило дыхание. Он говорил это всерьёз. Владислав действительно взвешивал - остаться со мной, женой, которая «застыла в горе», или уйти к той, другой, с живым ребёнком, в чьей груди билось сердце нашей погибшей дочери.

- Так вот в чём дело, - медленно проговорила я, и голос мой засочился ядом. - Ты выбираешь между мной и Катей. Между мёртвым прошлым и живым будущим.

- Я не это имел в виду... - проговорил Шадрин, но я вновь его прервала:

- Нет, именно это! - Я горько усмехнулась, чувствуя, как внутри опять закипает истерический смех. - Ты стоишь на перепутье, Влад, и думаешь, куда податься. А я, получается, просто препятствие. Я и моё «нежелание рожать заново». Удобно, правда? Не надо возиться со сломленной женой, когда есть готовая семья. Да ещё и с бонусом - сердцем нашей дочери в груди твоего второго ребёнка.

Он дёрнулся, как будто я нанесла ему физический удар. Зашипел предупредительно:

- Не смей так говорить о Нике!

- А как о ней говорить? - Я шагнула к нему, сокращая расстояние, и заглянула в глаза. - Как мне её называть, Влад? Дочка? Падчерица? Реципиент? Или, может, сразу - два в одном? Две дочки в одной? Ты же этого хотел, да? Чтобы Аня продолжала жить? Ну так радуйся - теперь у тебя есть Ника с сердцем Ани! Два по цене одного. Очень выгодная сделка.

Влад отшатнулся, его лицо стало едва ли не синим. Бескровные губы сжались так, что их стало почти не видно.

Он открыл рот, чтобы что-то ответить, но я уже не слушала. Потому что в этот самый момент до меня дошло, - наверное, только сейчас по-настоящему, во всей своей пугающей простоте, - что именно он натворил.

Шадрин не просто спас свою дочь - он связал нас всех в чудовищный узел, из которого не выбраться. Сердце Ани, моей девочки, той, ради кого я готова была спуститься хоть в сами преисподнюю, теперь билось в груди чужого мне человека. Но при этом данный человек был сестрой Ани - тайной дочерью моего мужа.

И я никогда - клянусь, никогда! - не смогу просто забыть об этом, вычеркнуть, сделать вид, что ничего не было. Потому что где-то там, в чужом городе, ходит, дышит, смеётся девушка, внутри которой - часть меня. Часть моей дочери.

И я, чёрт бы всё подрал, уже знаю, что она имеет ко мне прямое отношение, потому что Ника символ предательства моего мужа...

- Ты понимаешь, что именно сделал? - прошептала я, глядя сквозь него. - Ты не просто обманул, ты украл у меня право знать. И самое главное - право решать. Ты распорядился сердцем моего ребёнка так, будто это твоя собственность! А теперь приходишь и говоришь мне, что стоишь на перепутье?

Влад молчал. Нас вновь окутала та самая громкая тишина, что встретила меня сегодня вечером, только теперь она была другой - с цианидным привкусом недосказанности. Утягивающая в пропасть, что разверзлась между нами за какие-то считанные мгновения.

Я смотрела на мужа - человека, с которым прожила двадцать пять лет, родила дочь, строила дом, делила горе и радости, - и не узнавала его. И тут мне в голову пришла ещё одна мысль, которая была яснее самого кристального понимания - может, я его никогда и не знала? Может, всё это время он был словно двуликий Янус? Передо мной предстал один Владислав, а там, в другой жизни, он был совершенно иным?

- Уходи, - сказала я севшим голосом. - Просто уходи - прямо сейчас!

- Юлиана... - начал он, но я его оборвала:

- Уходи, Влад! Мне нужно побыть одной.

Я действительно испытывала именно это чувство - потребность оказаться вне мужа и его отравляющего присутствия.

А Шадрин постоял некоторое время, словно решал, куда ему отправиться на его перепутье, и всё же вышел, оставляя меня наедине с собой и тем ужасом, который я испытывала.

И у меня в душе тоже родилось простое и горькое осознание - я стою на том же самом перепутье, и когда шагну на него, моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Хотя, кому я вру? Я уже шагнула, подталкиваемая твёрдой уверенной и благодарной рукой второй жены моего мужа.

Может, в письме под маской бесконечных «спасибо» крылась вовсе не попытка выразить признательность?

А нечто совсем иное?

Он ушёл, а обрывки наших фраз всё ещё звучали у меня в голове. Я поняла, что не смогу просто так сидеть, сложа руки, и ждать, пока мир перестанет вращаться вокруг меня с бешеной скоростью.

Мне нужно было знать как можно больше.

Совсем недавно я ничего не желала - только понимать, что сердце Ани живо и неважно, в ком оно бьётся. А сейчас я дико хотела вывести всё.

Ноги всё ещё дрожали, но в груди уже поселился новый, лихорадочный жар.

Ажитация. Вот как это называлось.

То состояние, когда бездействие убивает вернее любого удара.

Ноутбук лежал в гостиной на журнальном столике - там, где Аня когда-то разбрасывала свои тетради с лекциями. Я откинула крышку, и экран засветился холодным синим светом, разрезая полумрак квартиры. Пальцы замерли над клавиатурой. Всего несколько букв. Имя. Фамилия. Отчество, которое жгло мозг, как клеймо.

Шадрина Ника Владиславовна.

Я вбила эти слова в поисковую строку и нажала Enter прежде, чем успела передумать.

Результаты выскочили мгновенно - безжалостно, будто только и ждали, когда я решусь заглянуть в бездну.

Передо мною всплыли ссылки на профили в соцсетях, и я начала их прокручивать со всё той же судорожной попыткой выяснить всё.

Фотография одного из профилей ударила в глаза, как вспышка сверхновой.

Девушка. Совсем юная, с тёмными волосами чуть ниже плеч и светлыми - почти прозрачными - глазами. Она улыбалась, но улыбка была осторожной, будто Ника до конца не верила, что имеет на неё право. Под фотографией - статус: «Живу благодаря чуду. И одному очень сильному сердцу».

Меня затопило. Я слотнула комок, подступивший к горлу, но упорно продолжила листать. Фотографии, посты, отметки на карте. Ника выкладывала снимки из парка, из кафе, с набережной. Места были до боли знакомыми. Я вглядывалась в фон, в вывески, в очертания зданий - и не могла поверить своим глазам.

Она жила здесь. В этом же городе.

В моём городе!

Но как так вышло? Я же знала из документов, что сердце переправляли в Новосибирск, где ей и сделали пересадку? Да, с того момента прошло уже два года, а это значило...

Это значило, что муж мог перевезти свою вторую семью поближе. И, похоже, сделал именно это!

Когда я открыла полную информацию профиля - тут же увидела строчку «Санкт-Петербург». Мой город. Тот самый, где я прожила всю жизнь, где родилась и погибла Аня, где сейчас, в эту самую минуту, билось её сердце в чужой груди всего в нескольких километрах от меня...

А может, даже сотнях метров... Ведь я не знала, где именно живёт эта самая Ника. И была ли рядом с ней сейчас Катя? Я уже ничего не понимала и, кажется, начинала сходить с ума.

Влад заврался в конец - в документах значилась клиника в Новосибирске, где и провели трансплантацию. Но что было после? Как у них происходили все последующие телодвижения?

Нике стало легче, сердце прижилось и Шадрин поспешил перетащить её сюда? К себе поближе?

Без особого труда мне удалось найти страницу Екатерины, матери Ники и бывшей моего мужа. Её профиль был закрытым, но аватарку разглядеть я смогла: женщина с усталым, но мягким лицом, светлыми волосами, собранными в небрежный пучок. В друзьях у неё значилась Ника, а ещё - общие с Владом знакомые, которых я не знала.

Целая жизнь, протекавшая параллельно моей - вот она, светится на экране немой уликой предательства мужа.

Я откинулась на спинку дивана, моё сердце забилося быстро-быстро. Точно такое же, принадлежавшее моей девочке, тоже было где-то рядом - в радиусе одного города, который был мне родным.

Дыхание сбилось, стало рваным. Я отключила ноутбук и уставилась в тёмный экран, где отражалось моё собственное лицо - бледное, с лихорадочным румянцем на скулах и глазами, полными ужаса, приправленного решимостью.

Они были здесь. Рядом. Буквально на расстоянии вытянутой руки.

И я поняла, что не смогу жить, делая вид, будто ничего не знаю. Не смогу ходить по тем же улицам, заходить в те же магазины и каждую секунду гадать - не её ли тёмные волосы мелькнули в толпе, не её ли смех прозвенел за спиной?

Что-то нужно было делать. Вот только понять бы - что именно?

Я снова открыла ноутбук и нашла примерный адрес - не полный, конечно, но район, в котором Ника отмечалась чаще всего. Центр города. Двадцать минут пешком от моего дома. У неё стояла геопозиция, как будто эта девочка специально оставляла след...

Двадцать минут пешком... Два раза по шестьсот секунд, и я могу... Так, стоп! Сейчас нельзя об этом думать вот так явно - иначе мысли сведут с ума.

Я поспешно поднялась, накинула пальто, схватила сумку и, не раздумывая больше ни секунды, вышла за дверь. Куда шла и зачем - не знала, но оставаться в этой квартире, где каждая вещь кричала о прошлом, в то время как сердце Ани билось где-то совсем рядом, было выше моих сил.

Вечер встретил меня холодным ветром и запахом привычной Питерской влажности.

Я шагнула в темноту, и город обнял со всех сторон, окутал и словно бы заговорил - давай, тебе нужно это сделать.

Потому что у меня появилась цель - найти её.

Хотя бы увидеть издали и убедиться в том, что сердце Ани действительно живо.

А дальше - будь что будет.

Постепенно город стал более равнодушным, однако сейчас это было вовсе не то, чего мне желалось.

Обычно серость Питера успокаивала, давала ощущение, что человек - лишь песчинка в огромном потоке, но сегодня всё было иначе.

Сегодня каждая арка, каждый двор-колодец, каждый отблеск фонаря, отражавшийся в лужах, казались декорацией к моему личному безумию.

Я шла, не разбирая дороги. Ноги несли меня в сторону центра - туда, где, судя по геометкам, чаще всего бывала Ника.

Двадцать минут пешком от моего дома. Снова эта цифра в мозгу - как горящее клеймо.

Я могла бы пройти это расстояние с закрытыми глазами, но сейчас каждый шаг давался с трудом, словно я брела по колено в вязкой, ледяной жиже.

В витрине кофейни мелькнуло отражение - тёмные волосы, светлый шарф, поворот головы. Я замерла, сердце пропустило удар.

- Аня... - выдохнула одними губами.

Но когда всмотрелась - поняла, что это незнакомая девушка, моложе, с другой формой лица, пусть и смеялась она, запрокидывая голову, совсем как моя дочь.

Я отшатнулась и пошла дальше, ускоряя шаг. Умом понимала: Ники здесь нет. Десять вечера, дождь моросит всё сильнее, нормальные люди сидят по домам. А если она и выходит гулять, то наверняка не в такую погоду, и уж точно не одна, а с друзьями, с матерью, с... с Владом, возможно. Может, прямо сейчас мой муж сидит в их уютной квартире, пьёт чай и смотрит на дочь, в чьей груди бьётся сердце Ани.

От этой мысли меня повело в сторону. Я схватилась за чугунную ограду и зажмурилась, пытаясь унять головокружение. Мир плыл, распадался на фрагменты: мокрый асфальт, жёлтые огни фонарей, силуэты прохожих, спешащих укрыться от усиливающегося дождя. И среди них - снова тёмные волосы, снова поворот головы, снова полуулыбка, от которой внутри всё обрывается.

- Господи, - прошептала я, прижимая ладонь ко лбу. - Я схожу с ума. Я окончательно схожу с ума!

В ушах зашумело, и я почувствовала, как земля уходит из-под ног - в прямом смысле, не в метафорическом. Ещё секунда - и окажусь на мокром тротуаре.

И в этот момент из темноты раздался голос:

- Юлиана?

Я вздрогнула и обернулась. Из пелены дождя на меня смотрел мужчина - высокий, широкоплечий, в тёмном пальто с поднятым воротником. Свет от фонаря падал на его лицо, и я узнала его не сразу - потребовалось несколько секунд, чтобы выплыть из тумана и сложить знакомые черты в цельный образ.

Кирилл Донской. Старый приятель Влада, они дружили ещё с института. Мы виделись на общих праздниках, иногда пересекались в компаниях, но близки никогда не были. Он всегда казался мне человеком сдержанным, даже холодноватым - полная противоположность моему мужу с его показным обаянием.

Сейчас в его глазах читалось не просто удивление, а самая настоящая тревога. Неподдельная, какую испытывают только в сторону очень важных людей.

- Юлиана, что с вами?

Он шагнул ближе, и я заметила, как его взгляд скользнул по моему лицу, по мокрым волосам, по пальто, которое я даже не застегнула, выбегая из дома.

- На вас лица нет. Вы заболели? Вам плохо? Вызвать скорую?

О, Господи! Если дело дошло до того, что едва знакомый человек предлагает вызвать бригаду неотложки - со стороны я, должно быть, выгляжу так, что краше только в гроб кладут.

Открыла рот, чтобы ответить что-то дежурное - например: «всё в порядке», «просто прогуливаюсь», «не беспокойтесь», - но вместо этого из горла вырвался какой-то сдавленный, нечленораздельный звук.

Кирилл нахмурился ещё сильнее. Огляделся по сторонам, словно искал кого-то - может, Влада, может, просто помощь или куда ему бежать - а потом решительно взял меня под локоть.

- Здесь за углом есть неплохое кафе, тихое, обычно там мало людей. Пойдёмте, вам нужно в тепло, вы промокли насквозь.

Я хотела возразить, вырвать руку, сказать, что не нуждаюсь в жалости и уж тем более в компании приятеля моего мужа-предателя, но сил ни на что не осталось. Ноги подкашивались,

зубы начинали выбивать мелкую дробь - то ли от холода, то ли от нервного истощения. Я всё же позволила Кириллу ему увести меня.

Кафе и правда оказалось тихим - из тех, что прячутся в подвальчиках старых домов, с кирпичными сводами и приглушённым жёлтым светом. Кирилл усадил меня за столик в углу, заказал у подошедшей официантки две чашки чая и плед, а сам сел напротив, не сводя с меня внимательного, изучающего взгляда.

- Рассказывайте, - сказал он негромко, но с такой интонацией, что это прозвучало не как просьба, а как констатация неизбежного. - Что произошло?

Я молча дождалась, пока расторопная официантка принесёт заказ, затем обхватила горячую чашку ладонями, чувствуя, как тепло медленно возвращает меня к реальности. За окном шумел дождь, в кафе пахло корицей и кофе, играла ненавязчивая музыка. Вроде как всё было обычно и даже обыденно, с одной маленькой поправкой - моя жизнь час назад разлетелась на осколки. Хотя мне и казалось до сего момента, что свой самый страшный кошмар я пережила два года назад.

- Ничего, - выдавила, решив, что справлюсь сама. - Я просто решила немного прогуляться.

Кирилл усмехнулся - на его губах появились нотки горчинки.

- Юлиана, я видел вас в разных состояниях. На похоронах Ани в том числе. - Он произнёс это мягко, без нажима, но от упоминания дочери я всё равно вздрогнула. - Извините за откровенность, но сейчас с вами точно не всё в порядке. Это как-то связано с Владом? Я не хочу лезть не в своё дело, но сейчас мы с ним довольно хорошо общаемся... Я могу помочь.

Я подняла на него взгляд и вдруг поняла, что больше не могу держать это в себе. Не могу носить внутри то, что выжигает каждую мою клеточку изнутри. А Кирилл... он смотрел так, словно действительно готов был выслушать и тем самым уже довольно ощутимо помочь...

Я сделала рваный хриплый вдох и всё же заговорила.

Слова полились сами - сбивчиво, сумбурно, заставляя меня перескакивать с одного на другое.

- Она живёт в этом же городе, ходит по тем же улицам, дышит тем же воздухом! Вы понимаете? Для меня это как удар, когда я буду смотреть на девочку, которая является олицетворением предательства Влада, а видеть в ней в том числе и Аню... - чуть ли не задыхаясь, вывалила я на голову Донского всю историю.

Кирилл слушал, не перебивая, только желваки на скулах выдавали, что он отнюдь не спокоен.

Когда я закончила - выдохлась, замолчала, уставившись в остывающий чай, - он долго не говорил ни слова. Потом медленно откинулся на спинку стула и провёл ладонью по лицу.

- Я знал, что у Влада есть кто-то на стороне, - произнёс Кирилл наконец. - Не спрашивайте откуда. Мужская дружба - штука специфическая, иногда видишь то, что тебе не показывают. Но чтобы до такой степени... - Он покачал головой. - Я не думал, что он способен на подобное...

В голосе Донского разочарование было столь искренним, что не поверить в него было невозможно.

- Я тоже не думала, - отозвалась глухо. - Двадцать пять лет брака. Двадцать пять лет, Кирилл! И всё это время он жил двойной жизнью.

- Вы уверены насчёт города? Ника действительно здесь, в Питере?

Я кивнула, закусив нижнюю губу до острой боли.

- Нашла её страницу в соцсетях - там по геометкам видно, что она бывает чаще всего в центре, в паре километров от моего дома. - Я горько усмехнулась. - Представляете? Два года я жила в неведении, а она была рядом. Ходила в те же магазины, гуляла по тем же набережным. С сердцем моей дочери в груди.

Мне опять хотелось судорожно всхлипнуть, а лучше - хорошенько прорыдаться. Но я приберегала эту возможность на тот момент, когда останусь одна.

Кирилл помолчал, потом подался вперёд и заглянул мне в глаза - серьёзно, без тени жалости.

- Хотите, я помогу вам? - спросил он тихо.

Я растерянно моргнула, не понимая, о чём вообще речь.

- Поможете? В чём? - уточнила, давая понять по тону, которым произносила эти слова, что мне очень нужны пояснения.

- Разузнать всё про Нику - где она живёт, чем занимается, с кем общается. То, чего нет в открытом доступе. - Он сделал паузу. - Я понимаю, как это звучит. Понимаю, что вы можете не доверять мне - я всё-таки друг Влада. Но то, что он сделал... Это за гранью. И если вам нужна помощь - я на вашей стороне.

Я смотрела на него и пыталась понять, что движет этим человеком. Жалость? Чувство справедливости? Или, может быть, что-то ещё, о чём я даже не догадывалась? Но в его глазах не было ни фальши, ни скрытых мотивов - только усталое, спокойное сочувствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.